

УДК 94(47).083

Д. А. Сафонов

Деятельность правоохранительных органов России конца XIX — начала XX века по правоприменению статей об «оскорблении величества»

В статье анализируется деятельность правоохранительных органов Российской империи по правоприменению статей, связанных с так называемым «оскорблением величества» (ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.) и ст. 103 Уголовного уложения (1903 г.)), на основе сплошного изучения и анализа дел в одном отдельно взятом регионе — Оренбургской губернии. Идеология царской власти исключала возможность отказа от подобных статей, а принципиально последовательное исполнение их положений создавало многие дополнительные проблемы и сложности. Итогом стало то, что власти на местах пытались методом проб и ошибок найти собственные оптимальные варианты правоприменения, что в итоге неизбежно входило в конфликт с основополагающими принципами права.

Ключевые слова: закон, правоприменение, «оскорбление величества», правовой опыт, преступление, наказание.

Взгляд на антицаристские высказывания крестьян как на своеобразный индикатор перемен в их общественном сознании (В. Пищулин (1922) [63], В. А. Виноградов (1975, 1980) [2, 3], А. Г. Каревская (1975) [58], Б. Г. Литвак (1988) [57, 61]) можно полагать традицией советской историографии. Причем традицией, берущей начало с народников, высоко оценивавших сведения об оскорблениях именно с этой точки зрения. Отсюда следственные дела об «оскорблении величества» всегда признавались важным массовым источником, но без учета их правового содержания; при этом если некоторые исследователи все же признавали «оскорбление» политическим преступлением (В. А. Виноградов [2, с. 52]), то большинство полагало иначе — как это делал, например, Б. Г. Литвак, бравший в данном случае слово «преступление» в кавычки, тем самым давая понять читателю, что он подобное деяние преступным не считает [61].

На современном этапе исследователи социальной психологии и общественного сознания масс также в числе прочих источников обращаются к следственным делам: Д. В. Трофимов (2005) [65], О. А. Сухова (2007) [64], Н. А. Чиканова (2008) [67], И. В. Кузнецов (2013) [60], Н. А. Коновалова (2014) [59]. Два последних автора брали следственные дела об оскорблении имени и титула императора как самостоятельный объект изучения. Но и они не учитывают юридическую сторону происходившего, например отделяя от прочих случаев высказывания, сделанные, по их мнению, «неосознанно, без умысла» (И. В. Кузнецов), как «случайные», «карнавальные» оскорбления (Н. А. Коновалова).

Проблема оскорбления величества изначально имела не только и не столько правовое содержание, сколько сакральное. Перевод проблемы в правовую сферу был, несомненно, шагом вперед, но одновременно это создало целый ряд дополнительных проблем. Поначалу «оскорбление величества» определялось крайне общо, что на практике требовало уточнений, а главное — создавало возможности для расширительного толкования, как это было, например, в судебныхниках.

Со временем, по мере усиления права и правовых начал в жизни государств, оскорбление было зарегламентировано. Уже сформировавшаяся традиция четкости формулировок в юридических документах потребовала точности и в данном вопросе. Со временем «оскорбление», по сути, перестало быть одним из тягчайших преступлений, как это считалось ранее, но традиция оценивать подобные действия в качестве крайне не-

© Сафонов Д. А., 2016

приемлемых и потому серьезно наказываемых оставалась. Введенная норма однозначно требовала исполнения: она не просто запрещает делать что-либо, но одновременно требует от определенных властных институтов и конкретных облеченных властью персон единообразия определенных законом последовательных шагов: возбуждения дела, сбора доказательной базы и т.п. Исключений быть не могло.

В данном случае нас интересует не анализ высказываний лиц, привлеченных по соответствующей статье, что дало бы определенную информацию о настроениях масс, а механизм привлечения к ответственности, т.е. функционирование системы правоохранительных органов.

Расширительное толкование, с одной стороны, позволяет подвести под наказание и такое деяние, которое законом изначально не предусматривалось, — по воле того, от кого зависело судопроизводство. Но с другой — неопределенность формулировок позволяла как бы «закрывать глаза» на конкретный случай, когда принятие соответствующих мер по каким-либо причинам было нежелательно. При изменившейся со временем ситуации с детализацией статей, с одной стороны, и утверждением принципа неотвратимости наказания — с другой, последнее стало невозможным. Процедурных исключений быть не могло; любой случай, по которому возбуждалось дело, должен был завершаться санкциями со стороны государства. Все это и создало в итоге достаточно объяснимую и одновременно запутанную ситуацию в России после выхода Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в 1885 г., где наличествовала статья 246: «Кто осмелится произнести, хотя и заочно, дерзкие оскорбительные слова против Государя Императора или с умыслом будет повреждать, искажать или истреблять выставленные в присутственном месте портреты, статуи, бюсты или иные изображения Его, тот за сие оскорбление Величества присуждается: к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от шести до восьми лет. Дозволивший себе означенные по сей статье дерзкие слова и поступки заочно, без прямого намерения возбудить неуважение к Священной Особе Государя Императора приговаривается: к заключению в крепости на время от восьми месяцев до одного года и четырех месяцев» [66, с. 208].

Соответственно, для решения поставленной проблемы следует обратиться к материалам правовой практики. Сделать это в масштабах всей страны весьма затруднительно. Мы полагаем возможным ограничиться одним регионом, в данном случае Оренбургской губернией. При такой постановке проблемы о региональной специфике говорить не приходится, поскольку правоприменение таковой не имело и иметь не могло по сути.

Как правило, в региональных архивах оседало достаточно большое количество дел, так или иначе связанных с «оскорблением величества». При этом существуют довольно объемные дела, как бы аккумулирующие отдельные документы по отдельным эпизодам — преимущественно заявления, без последующей документации, — то есть обращения были оставлены без последствий, расследования по каким-либо причинам не проводились. Поэтому мы берем за учетную единицу эпизод правонарушения, причем учитываем только те случаи, когда происходило возбуждение дела и создание последующего делопроизводства. Для Оренбургской губернии по периоду 1885—1917 (до февраля) гг. в результате сплошного изучения всего комплекса документов Государственного архива Оренбургской области (ф. 10 — Канцелярия Оренбургского губернатора и ф. 21 — Оренбургское губернское жандармское управление) нами обнаружено и зафиксировано 299 эпизодов. Хронологически первым является случай в марте 1887 г., когда крестьянин Тирлянского завода М. Цыбров, со словами «короновался, бурлак», сорвал со стены картину с портретом Александра II, назвал его «сукиным сыном», что затронуло разом оба исходных положения статьи 246 [5, л. 1, 3].

В тексте статьи, на первый взгляд достаточно прописанной, тем не менее есть уязвимые, т.е. неточные в своих формулировках, моменты, в частности определение «дерзкие слова». Собственно, и современное право сталкивается с подобным — нет четких и универсальных рамок для «оскорблений». Выходом является накопленная правовая практика, определение формируется через накопленный правовой опыт. Поначалу же разрешение вопроса весьма затруднено, не исключаются ошибки и просчеты. Анализ материалов, имеющихся в нашем распоряжении, дает основание полагать, что и юристы конца XIX в. испытывали сложности с определением таковых и что к «дерзким словам» следователи относили оскорбления, т.е. речи с упоминанием царя в уничижительном контексте, и обороты типа «мать его ети».

Логика подсказывает, что в итоге разрешение конкретных ситуаций было отдано на откуп на места, поскольку никакого применения прецедентов, аналогий мы не встречаем ни в одном из известных случаев, хотя среди таковых встречаются весьма сомнительные. В этом смысле поминание царя и его близких в матерном контексте было настоящим подарком, поскольку не требовало иных доказательств и бесспорно попадало под «дерзость». Уточним: не требовало доказательств в том случае, если принимать факт априори как действительно имеющий место, в противном же случае доказательства, конечно же, были необходимы.

Возьмем в качестве другого примера ту часть ст. 246, где говорилось об изображениях царя. Кодовые моменты: «с умыслом» и в «присутственном месте». Также определяющими являются слова «повреждать», «истреблять», «искажать». И если по первым двум еще можно ввести определяющие критерии, то по последнему явно необходимы комментарии и уточнения. В итоге мы имеем следующие варианты применения: обвиняемый сорвал со стены картину с портретом и стал ее мять (1887) [5, л. 1, 3]; священник, обходя с иконой дома, сорвал со стены и порвал на части портреты царя и царицы, «говоря, что не следует вывешивать их близко к иконам» (1896) [11, л. 19]. Сюда же относятся неправомерные действия «в присутствии портрета»: в казачьем правлении началась драка, избиваемый кричал: «что вы, господа, делаете, здесь присутственное место, здесь портрет Государя Императора» (1895) [9, л. 4]. Казак матерно ругался в волостном правлении, где получил замечание: «ругаться здесь нельзя, здесь портрет» (1895) [19, л. 5]. Сходным образом ругался крестьянин с. Исаево Оренбургского уезда в декабре 1896 г. [22, л. 3]; казак Нижнеуельской станицы в декабре 1897 г. [17, л. 1—2]. И еще позднее: в марте 1901 г. крестьянин В. Мочалов ругался в конторе челябинского нотариуса, на что получил замечание: «если он не стыдится женщины, то постеснялся бы хотя портрета государя» [27, л. 6]. В 1902 г. по тем же причинам было начато дело против тептяря Г. Аглиуллина [34, л. 2]. В 1898 г. дело было заведено на писца у земского начальника В. Владимирова в г. Илецке, попросившего хозяина снятой им квартиры убрать со стены портрет царя: «вот такую картину, эту сволочь я видеть не могу» [16, л. 1—2].

Достаточно неожиданным стал эпизод с вещью, на которой был портрет монарха: в начале января 1897 г. крестьянин Д. Румынин из Павловской волости Оренбургского уезда во время застолья достал папиросу из папиросочки с ликом государя, небрежно бросив ее на пол, за что получил замечание: «Смотри, ты бросаешь лик государя императора». В дальнейшем это было квалифицировано как преступление, предусмотренное 246-й статьей [10, л. 11]. Аккуратное упоминание в законе про «иные изображения» на практике создавало проблемы с монетами, и не один раз. В сентябре 1896 г. крестьянин Заворуев показал серебряную монету с портретом, заявив, что «это не государь, а язва» [6, л. 2]. В 1899 г. челябинский мещанин Ф. Губин, положив на стол серебряный рубль, наносил ножом удары в портрет [24, л. 1]. В 1905 г. крестьянин Челябинского уезда

Д. Добрыдин вынул из кармана 50-копеечную монету с изображением царя, посмотрел на обе ее стороны и, бросив на землю, произнес: «Ах ты сволочь ... твою мать!», и так несколько раз [36, л. 62 об.].

Опровергнет или, напротив, подтвердит наш тезис о местном правотворчестве обращение непосредственно к материалам следственных дел. Как отмечалось выше, с 1885 г. действовала ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных. В 1903 г., 22 марта, было утверждено так называемое «Новое уголовное уложение» и нормы Уложения о наказаниях были в него включены. Теперь интересующая нас норма содержалась в ст. 103: «Виновный в оскорблении Царствующего Императора, Императрицы или Наследника Престола, или в угрозе Их Особе, или в надругательстве над Их изображением, учиненных непосредственно или хотя и заочно, но с целью возбудить неуважение к Их Особе, или в распространении или публичном выставлении с той же целью сочинения или изображения, для Их достоинства оскорбительных, наказывается: каторгою на срок не свыше восьми лет» [62]. Главы о государственных преступлениях (в том числе ст. 103) были введены в действие одновременно в течение 1904 г. В Оренбургской губернии последний раз дело по ст. 246 было возбуждено 28 июня 1904 г. Первое возбуждение дела по новой 103-й статье в губернии произошло 2 августа 1904 г. Полагаем уместным рассмотреть отдельно материалы по двум периодам: 1887 — август 1904 г. (действие ст. 246) и 1904—1916 гг. (действие ст. 103). (Хотя мы берем в качестве завершающего временного порога февраль 1917 г., следует указать, что последнее возбуждение дела в крае имело место в 1916 г.)

Прежде всего отметим, что часть возбужденных дел не завершилась ничем — расследования остались незавершенными. В среднем по всему периоду они составили 27% общего числа, т.е. почти треть. Предметнее: в 1887—1903 гг. неизвестны итоги в 29 случаях из 125 (23,2%), в 1904—1916 гг. соответственно 104 из 174 (59,8%). Наибольший процент приходится на 1905-й и 1906-й годы — 58% и 55%.

Проанализируем имеющиеся материалы за период 1887—1903 гг. с возбуждением дел по ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных (1885 г.). Наказанию были подвергнуты 47 человек — в 37,6% общего числа возбужденных дел. Обратим внимание на текст закона: минимальное наказание — арест от 7 дней до 3-х месяцев. При этом казаки отбывали арест при станичном правлении, крестьяне — при волостном, мещане — при полиции. В данный период наблюдаем: 24 человека получили арест 7 дней, т.е. по минимуму (что составило 52%). Пятеро получили по 3 дня, что уже интересно: получается наказание ниже установленного законом.

Попытаемся понять логику тех, кто определял срок конкретных наказаний. Анализ ситуаций, завершившихся 7 днями ареста, показывает, что во всех этих случаях звучали фразы, в которых сообщалось о намерении заявившего совершить определенные сексуальные действия в отношении царя. Случай «стоимостью» в 3 дня ареста более мирные. Так, например, в мае 1896 г. крестьянин Челябинского уезда Л. Ланцов на призывы снять в винной лавке шапку — «здесь лик божий, лик царя и его корона» — ответил: «Я не признаю царя и корону» [21, л. 7]. Или: в мае 1898 г. крестьянка Анна Рогульчева на замечание стариков: «Что не смотришь за огородом, носишься с ребенком, как с царенком, ишь царь какой он у тебя» — ответила: «а что мне царь, срать я на него хотела, у меня только и радости один ребенок» [23, л. 1]. Несколько выпадает из общей картины случай с мещанином Струевцевым в сентябре 1906 г.: «...нисколько не унимаясь, выругал Синод, прибавив, что он его не боится, и тут же стал ругать матерными словами государя, говоря “что царь за лицо, меня никто не может судить, я е... все правительство”» [20, л. 2]. Отсюда можно предположить, что выведение царя за рамки сексуальных угроз

как бы смягчало наказание. Разумеется, данное суждение более чем спорное; с другой стороны, юристы того времени все же чем-то руководствовались при выборе срока ареста.

Еще два человека получили по 3 дня, но не ареста, а карцера в тюрьме — в Троицком тюремном замке [13, л. 1] и Илецком исправительном учреждении [15, л. 3]. Но это связано с тем, что оскорбление царя совершили арестанты, и так отбывающие наказание. И еще один необычный вариант: «вменить в наказание время, проведенное в предварительном заключении». Поскольку речь шла о хулиганских действиях и матерных речах казаков в станичном правлении, достаточно обоснованно можно предположить, что такой вариант наказания был инициирован атаманом станицы [9, л. 4].

Совершенно необычно появление такого наказания, как постановка под полицейский надзор, нормой закона не предусмотренного, по сути ставшего дополнительной карой. Так, в феврале 1897 г. под надзор после отбытия наказания был поставлен отставной фельдшер в с. Ермолаевка, матерно отозвавшийся о царе [12, л. 1, 2]. Аналогично было сделано в апреле 1901 г. с мещанином Г. Андреевым в Орском уезде, отбывшим 7 дней ареста за заявление: «Ты служил не государю, а черту» [28, л. 1]. Мы сталкиваемся также с ситуацией, когда дело прекращалось, но обвиняемый ставился под надзор: в марте 1901 г. в Челябинске крестьянин В. Мочалов матерно ругался в конторе нотариуса — «мать вашу ети с вашим портретом» [27, л. 2]. И наконец, в 1901 г. наблюдается постановка под надзор как самостоятельная карательная мера: крестьянин Челябинского уезда И. Васенев за слова: «слово император означает слуга антихриста, число звериное, а ваш император и есть слуга антихриста» [26, л. 1]; в феврале 1904 г. крестьянин Рыбкин в Оренбурге при обсуждении новостей русско-японской войны заявил, что «японские министры очень умные люди, а русские ничему [так в документе. — Д. С.] и сам государь ничего не стоит» [7, л. 2]. Уместно еще раз указать на то, что подобного наказания в ст. 246 нет, но дела квалифицировались тем не менее по этой статье.

В этот же период прекращено было 44 дела (или 35,2% от общего числа). Вариантов прекращения оказывается несколько.

1. *Простая констатация факта*, без объяснений и пояснений на последнем листе дела (40,9%).

2. *Прекращено «по соглашению»* — 10 (22,7%): в документах встречаются варианты «по соглашению», «соглашением прекращено», «по соглашению прокурора» и даже несколько печатных бланков, сообщавших о прекращении дела «по состоявшемуся между министерствами внутренних дел и юстиции соглашению, дознание по обвинению», куда вписывалась только фамилия; еще вариант — «по соглашению министров дальнейшим производством прекращен».

3. *Дело прекращено прокурором* — 1 (2,3%), объяснения мотивов не дано.

4. *За отсутствием состава преступления* (2,3%). Единственный случай был отмечен в декабре 1898 г., когда верхнеуральский мещанин Е. Самойлов подошел к торговцу картинами и, посмотрев на картину императора с супругой на тройке, заявил: «Какую ты тут продаешь херовину вверх ногами». Прокурор Саратовской судебной палаты прекратил дело по причине, что «нет оснований к возбуждению»: «негласным расследованием выяснено, что произнесенные... бранные выражения не относились ни к Государю Императору, ни к Государыне Императрице» [43, л. 8].

5. *За недоказанностью обвинения* (4,5%). В январе 1903 г. был обвинен сын чиновника Кадошников, объявивший в оренбургском трактире, что он «решительно никого не боится, даже самого Государя, мать его ети». Несмотря на кажущуюся очевидность преступления и наличие свидетелей, дело было прекращено «за недоказанностью» — никто не хотел свидетельствовать [30, л. 1]. Сходная ситуация в начале 1904 г.: обвиняемый при

аресте грязно ругался в адрес царя, но потом дело было прекращено, поскольку из свидетелей «остался один» [33, л. 1].

6. *По смерти обвиняемого* (4,5%). В мае 1897 г. староста д. Ново-Биккулово, будучи трезвым, при свидетелях матерно оскорбил царя, но вскоре умер [14, л. 2]. По той же причине было прекращено дело в феврале 1900 г. в отношении челябинского мещанина Ф. Губина, чья вина была доказана [25, л. 2].

7. *Прекращение расследования по царскому Манифесту* — всего 9 человек (20,9%). Манифестов было два. Первый: от 14 мая 1896 г. — под него попали 5 человек. Манифест сообщал «о дарованных в день Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны милостях». Согласно 4 п. XXIII ст., повелевалось «предать забвению дела о преступлениях, предусмотренных в ст. 246—248 улож. о наказ., кои по день Коронавания Нашего оставались безгласными. Лиц, обвиняемых в сих преступлениях или отбывающих за вину свою наказания, от ответственности и наказания со всеми онаго последствиями освободить» [4]. 20 мая был разослан циркуляр МВД за № 916, приказывавший освободить из-под стражи всех привлекаемых по указанным статьям [29, л. 71]. Вероятно, самым необычным можно полагать прекращение на основе этого Манифеста дела ссыльного крестьянина Жирновского, которое было начато в июле 1898 г. по причине «площадной брани» против особы императора. Практически тогда же Жирновский скрылся и разыскан так и не был; дело зависло. Вероятно, чья-то светлая голова нашла способ избавиться от дела, явно портившего отчетность [18, л. 1]. Второй Манифест был от 11 августа 1904 г. (4 чел.). Манифест также говорил о милостях, «дарованных в день Святого Крещения Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича»; подобные дела также предавались забвению по п. 4 ст. XXIX.

8. *Дело направлено начальнику ГЖУ* (2,3%). Необычное завершение расследования по делу крестьянина с. Городки Оренбургского уезда Гирина, заявившего на сходе 1 февраля 1904 г., что государя «следует вывести на гору и застрелить» [31, л. 18]. На наш взгляд, подобное заявление подпадало под статью 241, карающую за «всякое злоумышление и преступное действие против жизни» царя или попытку «учинить Священной Особе Его какое-либо насилие» [66, с. 207]. Но и наказание было иным — лишение всех прав состояния и смертная казнь. Между тем самостоятельного дела Гирина в фонде ГЖУ нет.

Теперь обратимся к материалам 1904—1916 гг. с возбуждением дел по ст. 103 «Нового уголовного уложения». Сразу отметим две новации. Начиная с марта 1905 г. изменился принцип сообщения о происходящем: если ранее детально расписывалась ситуация, дословно приводились все речи без каких-либо многоточий или сокращений, то теперь самой распространенной становится лишь фиксация того, что деяние квалифицируется по ст. 103. На наш взгляд, тем самым снималась задача доказательной базы, а это, в свою очередь, упрощало судопроизводство. И второй, с ним связанный, момент: квалификационная детализация деяния, т.е. помимо ст. 103 в ряде случаев указывались дополнительные статьи уложения. Ощутимо возрастает число дел, доведенных до суда и даже до вынесения им решения. Документ, фиксирующий решение предать виновного суду, имеет место в 162 делах, т.е. в 93%.

Рассмотрим условные группы дел. Первая — это где известны вынесенные приговоры. Заключение в крепость (тюремное заключение) — 14 случаев (8%). При этом единичные приговоры на 14 суток, месяц, два месяца, 4 месяца. Шесть месяцев — четыре приговора и пять приговоров — на год. В одном случае просто упоминается тюремное заключение без указания срока. Согласно ст. 103, заочное оскорбление, «но без цели возбудить неуважение» к царствующей особе наказывалось «заключением в крепости», а

то же совершенное «по неразумию, невежеству» — арестом. В новой статье сроки не конкретизировались. Саратовская судебная палата, рассматривавшая, согласно документации, указанные дела в 1910-х гг., вынося строгие приговоры от полугода и выше, тем не менее в 67% случаев оговаривалась в приговоре о зачете предварительного заключения, что вело к освобождению подсудимых. Значительно меньше было случаев наказаний, связанных с арестом, — 6 человек получили сроки от 7 дней до 3 месяцев. Продолжается практика оставления под надзором в качестве дополнительного наказания, но всего в трех случаях.

В этот же период прекращены были 19 дел (или 10,9% от общего числа). Вариантов прекращения оказывается несколько.

1. *Оправдание по суду*. Всего 6 случаев (3,4%). При этом в пяти случаях просто указывалась ст. 103, почему выяснить суть дела не представляется возможным. Но одна ситуация невольно вызывает вопросы. Суд в Троицке в начале января 1908 г. оправдал крестьянку Е. Голдобееву. Она буквально заявила: «Государь, собирая подати с крестьян, пропивает все, а его мать царица ведет распутную жизнь, царя нам не надо, без него нам лучше будет жить и порядки будут лучше. Царя в будущем году уже не будет». Первоначально дело было квалифицировано по 3-й части 106-й статьи («учинение» деяния против члена императорского дома) и ст. 128 («порицание... образа правления»), а потом перекалифицировано на ст. 103, ч. 3 (т.е. оскорбление «по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения» [44, л. 1 об.]). Были ли произнесены эти слова именно в пьяном виде, из дела не следует; отмечено только, что обвиняемая «сильно пьет». Также подчеркивался возраст — 58 лет. И все же объяснения оправданию из дела получить невозможно.

2. *Дело прекращено прокурором* — 2 (1,1%); объяснений нет. Обращает на себя внимание факт, что в одном случае дерзкие слова были произнесены после 17 октября 1905 г., дело возбуждено после заявления 26 февраля 1906 г., прекращено в декабре 1908 г. [46, л. 10]. Во втором — пьяный мещанин упомянул царя в матерном контексте [51, л. 1].

3. *За отсутствием состава преступления*. Сюда же относим варианты «за недоказанностью», «за отсутствием состава преступления», «за отсутствием квалифицирующей статьи»: 6 случаев (3,4%).

4. *«За незыском»* — 2 (1,1%) — отсутствие обвиняемого по месту проживания.

5. *По смерти обвиняемого* — 0,6%. Казак, уже будучи в тюремном заключении, матерно оскорбил всех, «кто там правит», и через два месяца умер [54, л. 1].

6. *Прекращено по Манифесту и указу Сената*. Речь идет об упомянутом выше Манифесте от 11 августа 1904 г., на основании его, но с деянием уже по ст. 103, был освобожден от наказания крестьянин, в пьяном состоянии матерно поминавший царя [35, л. 4]. В 1913 г. было прекращено дело, начатое в апреле 1912 г. в отношении казака, порвавшего портреты царя и наследника, — на основании 4 ст. XVIII отд. Всемилостивейшего Указа Сената 21 февраля 1913 г. [50, л. 1]. Иными словами, оба случая (1,1%) связаны с появлением документа, освобождающего от ответственности. Если сравнивать материалы периода действия ст. 246, то теперь исчезает простая констатация факта прекращения, а также прекращение «по соглашению».

И вторая группа дел (15,5%) — безусловно начатые, но не имеющие явного и очевидного завершения. Все они, как правило, завершались итоговой бумагой о передаче дела кому-нибудь еще, иногда с уточнением «для дальнейшего направления»: прокурору (15 случаев), приставу (4), начальнику ГЖУ (4), начальнику гарнизона (1), военному прокурору (1), в губернское совещание (2). Единой схемы не существовало: начальник ГЖУ давал указание о передаче дела прокурору [42, л. 1], товарищ прокурора передавал дело на рассмотрение оренбургского губернского совещания [38, л. 178], начальник ГЖУ пе-

редавал дело в губернское совещание [49, л. 4 об.], жандармский ротмистр Кучин придавал делу неопределенное «дальнейшее направление» [37, л. 11], прокурор — становому приставу [39, л. 7], начальник ГЖУ поручал приставу [40, л. 1].

Главный наблюдаемый итог — серьезные недостатки в осуществлении правосудия и исполнения законов. Исполнять в полной мере и, безусловно, следуя букве и духу законов указанные статьи было практически невозможно. И все-таки юристы на местах в итоге выработали ряд мер, позволявших минимизировать сложности. Если говорить о соблюдении процедурных моментов, то приходится констатировать, что за весь рассматриваемый период есть единственный случай — самый первый по времени, — когда действительно были соблюдены все процессуальные вопросы и процедуры: исправник составил протокол по факту произнесения, квалифицировав случившееся по ст. 246, затем продублировал протокол губернатору и начальнику ГЖУ, губернатор, в свою очередь, отправил соответствующую информацию в МВД [5, л. 2]. И это же единственный задокументированный случай, когда о случившемся по данной статье было доведено до «самого верха». Больше так не делали никогда; выскажем предположение, что в министерстве приняли меры к недопущению впредь подобного — указанием ли, распоряжением, или иным способом, но что-то такое явно было, ведь не могли губернские власти самовольно отказаться совершать полагающиеся по закону действия. Впрочем, достаточно представить, насколько вырос (или мог вырасти) поток бумаг — с учетом оформления переписки по каждому эпизоду, по каждой губернии, волости и т.п. Раз таковой переписки нет, значит, местным властям разрешили оставлять вопрос на своем, губернском уровне, не привлекая центр. Уместно указать: Б. Г. Литвак утверждал, что интересующие нас дела об оскорблении обязательно присылались в Министерство юстиции для определения меры наказания, а затем отсылались обратно в судебную палату [61, с. 215]. Материалы рассматриваемой нами губернии этого никак не подтверждают. Выскажем предположение, что раз объектом изучения Б. Г. Литвака были дела Московской судебной палаты, то в старой столице правила соблюдались строже.

Попытаемся определить методы и приемы, с помощью которых власти на местах выходили из сложного положения. Прежде всего нужному результату способствовало прекращение информирования центра.

Второе. Уклонение от возбуждения дела. В 1894 г. крестьянин Горбунов матерно выразился в адрес царя в связи с его манифестом, о чем другой крестьянин М. Григорьев написал в волостное правление заявление, но хода заявлению там не дали [8, л. 109]. 9 июня 1901 г. мещанин Жуков сообщил в полицию, что слышал «дерзкие слова» — кто сказал, не знает, но может показать его: «ходил в полицейское управление с целью заявить о происшедшем, но бывшие там городовые сказали ему, что это не их дело, чтобы я отправился к полицейскому надзирателю, и отказались идти с ним, чтобы узнать, кто такой неизвестный» [29, л. 1].

Третье. Прекращение по формальным признакам. Так, дело крестьянина Кошурникова, задержанного за воровство в марте 1904 г., матерно ругавшегося при аресте, было в итоге прекращено по причине, что из свидетелей остался только один [32, л. 1].

Четвертое. Бросающаяся в глаза легкость, даже готовность отказа от дела по причине «нерозыска» обвиняемого: между тем таковой просто выехал на жительство в Пермскую губернию [41, л. 1]. Сходная ситуация: уклоняющийся от призыва в 1914 г. казак-сектант прислал письмо атаману, где среди прочего было, что «наш царь мошенник или хулиган, не стоит за него воевать»; дело было приостановлено «до разыскания» [53, л. 1]. Данную позицию в принципе также можно отнести к формальным признакам.

Пятое — затягивание дела. Действительно, расследование дел по данной статье велось очень долго, растягиваясь порой на годы. Например, манифестом 14 мая 1896 г. были прекращены дела, начатые в апреле и июле 1895 г.; манифестом 11 августа 1904 г. — начатое 17 июля 1898 г. Дело, возникшее 12 февраля 1899 г., было прекращено по смерти обвиняемого в феврале 1900-го. Служащий Белорецкого завода А. Зайцев говорил в начале декабря 1905 г., что государь разграбил Россию, «увез за границу три воза золота, это всем известно». Расследование началось в декабре 1906-го, Зайцев умер в 1909-м, дело было прекращено по причине смерти обвиняемого, то есть расследование, пусть и формально, но продолжалось [37, л. 11]. Крестьянин К. Югов заявил на сходе в Каликинской волости Челябинского уезда где-то после 17 октября 1905 г., что «власть царя отныне стала не выше власти волостного старшины». Один из слышавших эти слова крестьянин сообщил по инстанции 26 февраля 1906 г. Постановлением прокурора дело было прекращено в декабре 1908 г. [46, л. 10]. Крестьянин А. Землянсков в Тирлянском заводе 28 октября 1905 г. заявил: «Нам не нужен царский род, тем более что наследник престола у нас выблюдок, его сделал лейб-гвардии офицер, а государь живет с артисткой». Производство завершено было 18 июня 1907 г. [47, л. 62].

Весьма показательна история крестьянина Челябинского уезда И. Кашутина, согласно документам «неоднократно и публично» порицавшего верховную власть начиная с 1904 г. Иными словами, о его проступках было известно, но мер не принимали, дела не возбуждали. В итоге он был взят под стражу только 8 ноября 1914 г. Суд 13 января 1916 г. приговорил его к году крепости с зачетом предварительного заключения. Кашутин умер в тюрьме от паралича сердца 20 мая 1916 г. [52, л. 3, 20].

Еще несколько примеров: полицейский урядник Неверов заявил 22 сентября 1906 г., что «нужно разбить эту думу вместе с государем»; дело было возбуждено 15 июня 1910 г. [48, л. 7]. Крестьянка Голдобеева в Челябинском уезде за слова, что царь пропивает пода-ти, сказанные в последних числах ноября 1906 г., была оправдана судом 4 января 1908 г. [44, л. 1]. На заявление земского фельдшера осенью 1915 г. дело начато было 17 августа 1916 г. [55, л. 1]. 29 июля 1916 г. башкир сделал неприличный жест в связи с георгиевской медалью — дело по ч. 2. ст. 103 было возбуждено 14 января 1917 г. [56, л. 1].

Шестое — переквалифирование дела на более легкую статью, а значит, менее тяжкое деяние. Практически нет ни одного дела по ч. 1 статьи 103, карающей за осознанные действия строже всего; преимущественно использовались ч. 2 ст. 103 — те же действия, «но без цели возбудить неуважение», а также ч. 3, объяснявшая речи «невежеством» или «опьянением». Особо следует отметить вопрос о пьянстве виновных, точнее совершении ими преступления в состоянии опьянения. Принято считать, что таковое наблюдалось в значительном числе случаев. Так, В. Б. Безгин полагал, что применительно к Тамбовской губернии «крамольные речи звучали чаще всего в трактире, а произносившие их были пьяны» [1]. Но были и крайние мнения, что «абсолютное большинство таковых совершались в пьяном виде» [63, с. 115—116]. Н. А. Коновалова также утверждает, но не доказывает, что подобные дела составляли «главную массу» — обязывающее утверждение подкрепляется вместо подсчетов лишь ссылкой на статью С. В. Бахрушина, в которой идет речь о царствовании Михаила Федоровича [59, с. 43]. Применительно же к Оренбургской губернии мы располагаем иными данными. Здесь нетрезвое состояние отмечено в 21% от общего числа случаев; безусловно важный фактор, но далеко не определяющий. Мы наблюдаем богатую подборку вариантов явно местного происхождения: «в нетрезвом виде», «в полупьяном виде», «два из них были выпимши, а последний пьяной», «несколько пьяный», «выпимши», «совершенно нетрезвые», «сильно выпивши», «немного выпивши», «несколько выпивши», «немного навеселе», «в пьяном виде», «в нетрезвом

виде», «совершенно пьян», «состояние опьянения», «выпивши, но не пьяный», «выпил». Между тем в документах алкогольное состояние отмечалось обязательно, мы сталкиваемся с особым подчеркиванием, что обвиняемый «был трезв», что логично выводило на более серьезное наказание. Причина такого пристального внимания к нетрезвому состоянию бросается в глаза при прочтении заключительной части ст. 246: «Если же виновный совершил сие преступление по неразумию, или невежеству, либо в состоянии опьянения, то он подвергается: заключению в тюрьме на время от двух до восьми месяцев или аресту от семи дней до трех месяцев». Состояние алкогольного опьянения, по сути, могло быть смягчающим обстоятельством.

Очевидно, что идеология царской власти исключала возможность отказа от подобных статей, а принципиально последовательное исполнение их положений создавало многие дополнительные проблемы и сложности. Итогом стало то, что власти на местах пытались методом проб и ошибок найти собственные оптимальные варианты правоприменения, что в итоге неизбежно входило в конфликт с основополагающими принципами права и наносило серьезный ущерб правовой системе.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ. «Крестьянство в условиях модернизации и разрушения традиционных ценностей: социальные девиации конца XIX — начала XX века (региональный аспект)», проект № 15-01-0017.

Список использованных источников и литературы

1. Безгин В. Б. «Царь-батюшка» и «народ-богоносец» (крестьянский монархизм конца XIX — начала XX в.) // Труды кафедры истории и философии Тамбовского государственного технического университета : сб. науч. тр. СПб., 2004. Вып. 2. С. 24—28.
2. Виноградов В. А. Антицаристские высказывания крестьян — форма идейного выражения классовой борьбы в пореформенной деревне: 60-е — начало 80-х гг. XIX в. (по материалам Тверской, Ярославской, Костромской и Нижегородской губерний) // Вопросы историографии и истории крестьянства. Калинин, 1975. С. 50—68.
3. Виноградов В. А. Источники для изучения мировоззрения пореформенного крестьянства // Источниковедение отечественной истории. М. : Наука, 1980. Вып. 1. С. 157—176.
4. Высочайший Манифест о дарованных в день Священного Коронования Их Императорских Величеств Государя Императора Николая Александровича и Государыни Императрицы Александры Феодоровны милостях (1896 г., мая 14) [Электронный ресурс]. URL: http://www.russportal.ru/index.php?id=monarchy.manifest1896_05_14 (дата обращения 17.08.2016).
5. Государственный архив Оренбургской области (ГАОО). Ф. 10. Оп. 1. Д. 147.
6. ГАОО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 224.
7. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 21.
8. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 144.
9. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 152.
10. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 164.
11. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 170.
12. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 173.
13. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 176.
14. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 177.
15. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 179.
16. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 195.
17. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 196.
18. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 206.
19. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 222.
20. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 223.
21. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 224.
22. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 229.
23. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 234.

24. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 235.
25. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 240.
26. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 259.
27. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 266.
28. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 269.
29. ГАОО. Ф. 21. Оп. 1. Д. 274.
30. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 14.
31. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 30.
32. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 33.
33. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 39.
34. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 43.
35. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 52.
36. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 55.
37. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 83.
38. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 85а.
39. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 94.
40. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 111.
41. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 114.
42. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 150.
43. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 214.
44. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 224.
45. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 302.
46. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 312.
47. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 378.
48. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 402.
49. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 445.
50. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 473.
51. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 480.
52. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 532.
53. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 534.
54. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 579.
55. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 580.
56. ГАОО. Ф. 21. Оп. 2. Д. 639.

57. Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство: этапы духовного освобождения. М. : Мысль, 1988. 237 с.

58. Каревская А. Г. Крестьянство Самарской губернии в годы второй революционной ситуации в России (конец 70-х — нач. 80-х годов XIX в.) // Научные труды Куйбышевского ГПИ им. Куйбышева. Куйбышев, 1975. Т. 160. Из истории Среднего Поволжья и Приуралья. Вып. 5. С. 54—62.

59. Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века // Вестник Омского университета. 2014. № 1. С. 42—47.

60. Кузнецов И. В. Образ царя в сознании крестьянства Вологодской губернии во второй половине XIX — нач. XX в. по следственным делам об оскорблении имени и титула императора и членов императорской семьи // Вестник архивиста. 2013. № 3. С. 215—226.

61. Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775—1904 гг. История и методика изучения источников. М. : Наука, 1989. 252 с.

62. Новое уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб. : Издание Каменноостровского книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. 130 с.

63. Пищулин В. Народовольческое движение 70-х годов в Оренбургском крае // Труды общества изучения Киргизского края. Оренбург, 1922. Вып. 3. С. 90—116.

64. Сухова О. А. «Общинная революция» в России: социальная психология и поведение крестьянства в первые десятилетия XX века (по материалам Среднего Поволжья). Пенза : ПГПУ, 2007.

65. Трофимов Д. В. Социально-политические настроения российского крестьянства в пореформенный период 1861—1905 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.

66. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных: Издание 1885 г. и по прод. 1912 г.: С извлеч. из решений Правительствующего сената, Свода законов, сводов воен. и мор. постановлений, с указанием подсудности, судопроизводств. правил и прил. / сост. В. В. Волков, товарищ прокурора С.-Петерб. окр. суда. Неофиц. изд. СПб. : Юрид. кн. маг. И. И. Зубкова, п./ф. «Законоведение», 1914. XII, 1464 с.

67. Чиканова Н. А. Образ царя как показатель социального конфликта в России второй половины XIX — начала XX в. [Электронный ресурс] // III Всероссийская конференция «Социальные конфликты в истории России» памяти Александра Самойловича Ахиезера. Омск, 2008. URL: <http://www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/index.htm>.

Поступила в редакцию 06.11.2016

Сафонов Дмитрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор
Оренбургский государственный университет
Российская Федерация, 460018, г. Оренбург, пр-т Победы, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

UDK 94(47).083

D. A. Safonov

Activities of law enforcement authorities of Russia in late XIX — early XX century on the enforcement of “lese Majeste” articles

The article analyzes the activity of law enforcement authorities in Russia in late XIX — early XX centuries on enforcement of articles related to the so-called “lese Majeste” (Article 246 of the Penal Code and Criminal Corrections (1885) and Article 103 of the Criminal Law (1903). It is made on the basis of continuous study and analysis of the criminal cases in one particular region — Orenburg province. The ideology of imperial authority excluded the rejection of such articles but their exact implementation was followed by more problems and difficulties.

As a result local authorities faced the need to specify the best options for law enforcement by themselves, however, eventually it led to the conflict with the fundamental principles of law.

Key words: law enforcement, “lese Majeste”, legal experience, crime, punishment.

Safonov Dmitry Anatolyevich, Doctor of Historical Sciences, Professor
Orenburg State University
Russian Federation, 460018, Orenburg, prospect Pobedy, 13
E-mail: d_safonov@mail.ru

References

1. Bezgin V. B. “Tsar’-batyushka” i “narod-bogonosets” (krest’yanskii monarkhizm kontsa XIX — nachala XX v.) [“King-Father” and “God-bearing people” (peasant monarchism late XIX — early XX century)]. *Trudy kafedry istorii i filosofii Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta : sb. nauch. tr.* [Proceedings of the Department of History and Philosophy of Tambov State Technical University: Coll. of scientific works]. St. Petersburg, 2004, is. 2, pp. 24—28. (In Russian)
2. Vinogradov V. A. Antitsaristskie vyskazyvaniya krest’yan — forma ideinogo vyrazheniya klassovoi bor’by v poreformennoi derevne: 60-e — nachalo 80-kh gg. XX v. (po materialam Tverskoi, Yaroslavskoi, Kostromskoi i Nizhegorodskoi gubernii) [Anti-czarist statements of peasants — a form of ideological expression of the class struggle in the post-reform village: 60-s — early 80-s of the XX century (on the materials of Tver, Yaroslavl, Kostroma and Nizhny Novgorod provinces)]. *Voprosy istoriografii i istorii krest’yanstva* [Issues of historiography and history of peasantry]. Kalinin, 1975, pp. 50—68. (In Russian)
3. Vinogradov V. A. Istochniki dlya izucheniya mirovozzreniya poreformennogo krest’yanstva [Sources for the study of post-reform peasantry worldview]. *Istochnikovovedenie otechestvennoi istorii* [Chronology of national history]. Moscow, Nauka Publ., 1980, is. 1, pp. 157—176. (In Russian)
4. *Vysochaishii Manifest o darovannykh v den’ Svyashchennogo Koronovaniya Ikh Imperatorskikh Velichestv Gosudarya Imperatora Nikolaya Aleksandrovicha i Gosudaryni Imperatritsy Aleksandry Feodorovny milostyakh (1896 g., maya 14)* [Highest Manifesto on the favors granted on the day of Sacred Coronation of Their Imperial

Majesties Emperor Nicholas Alexandrovich and Empress Alexandra Feodorovna (May 14, 1896)]. Available at: http://www.russportal.ru/index.php?id=monarchy.manifest1896_05_14 (accessed 17.08.2016). (In Russian)

5. *Gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [State Archive of the Orenburg region]. (GAOO). F. 10. Op. 1. D. 147.

6. GAOO. F. 10. Op. 1. D. 224.

7. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 21.

8. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 144.

9. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 152.

10. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 164.

11. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 170.

12. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 173.

13. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 176.

14. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 177.

15. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 179.

16. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 195.

17. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 196.

18. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 206.

19. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 222.

20. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 223.

21. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 224.

22. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 229.

23. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 234.

24. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 235.

25. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 240.

26. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 259.

27. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 266.

28. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 269.

29. GAOO. F. 21. Op. 1. D. 274.

30. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 14.

31. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 30.

32. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 33.

33. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 39.

34. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 43.

35. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 52.

36. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 55.

37. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 83.

38. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 85a.

39. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 94.

40. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 111.

41. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 114.

42. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 150.

43. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 214.

44. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 224.

45. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 302.

46. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 312.

47. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 378.

48. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 402.

49. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 445.

50. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 473.

51. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 480.

52. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 532.

53. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 534.

54. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 579.

55. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 580.

56. GAOO. F. 21. Op. 2. D. 639.

57. Kabytov P. S., Kozlov V. A., Litvak B. G. *Russkoe krest'yanstvo: etapy dukhovnogo osvobozhdeniya* [Russian peasantry: stages of spiritual liberation]. Moscow, Mysl' Publ., 1988. 237 p. (In Russian)

58. Karevskaya A. G. Krest'yanstvo Samarskoi gubernii v gody vtoroi revolyutsionnoi situatsii v Rossii (konets 70-kh — nach. 80-kh godov XIX v.) [Peasantry of Samara province in the years of the revolutionary situation in Russia (late 70s — early 80s of the XIX century)]. *Nauchnye trudy Kuibyshevskogo GPI im. Kuibysheva* [Proceedings of the Kuibyshev GPI n.a. Kuibyshev]. Kuibyshev, 1975, vol. 160: Iz istorii Srednego Povolzh'ya i Priural'ya [From the history of the Middle Volga and the Urals], is. 5, pp. 54—62. (In Russian)

59. Konovalova N. A. Ob izuchenii problemy oskorbleniya krest'yanami osoby gosudarya imperatora v nachale XX veka [On the study of the problem of abuse of the emperor by peasants in early XX century]. *Vestnik Omskogo universiteta*, 2014, no. 1, pp. 42—47. (In Russian)

60. Kuznetsov I. V. Obraz tsarya v soznanii krest'yanstva Vologodskoi gubernii vo vtoroi polovine XIX — nach. XX v. po sledstvennym delam ob oskorblenii imeni i titula imperatora i chlenov imperatorskoi sem'i [Image of the king in the minds of peasantry of the Vologda province in late XIX — early XX century according to the investigatory records on insulting the name and title of the emperor and the imperial family]. *Vestnik arkhivista*, 2013, no. 3, pp. 215—226. (In Russian)

61. Litvak B. G. *Krest'yanskoe dvizhenie v Rossii v 1775—1904 gg. Istoriya i metodika izucheniya istochnikov* [Peasant movement in Russia in 1775—1904. History and methodology of the study of sources]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 252 p. (In Russian)

62. *Novoe ugovolnoe ulozhenie, Vysochaishe utverzhdennoe 22 marta 1903 g.* [New criminal code, by Imperial consolidation of March 22, 1903]. St. Petersburg, Kamennooostrovskii knizhnyi magazin V. P. Anisimova Publ., 1903. 130 p. (In Russian)

63. Pishchulin V. Narodovol'cheskoe dvizhenie 70-kh godov v Orenburgskom krae ["Narodnaya Volya" movement of the 70s in the Orenburg region]. *Trudy obshchestva izucheniya Kirgizskogo kraja* [Proceedings of the Kyrgyz Region Research Society]. Orenburg, 1922, is. 3, pp. 90—116. (In Russian)

64. Sukhova O. A. "Obshchinnaya revolyutsiya" v Rossii: sotsial'naya psikhologiya i povedenie krest'yanstva v pervye desyatiletiya XX veka (po materialam Srednego Povolzh'ya) ["Communal revolution" in Russia: social psychology and behavior of peasantry in the first decades of the twentieth century (on materials of the Middle Volga region)]. Penza, PGPU Publ., 2007. (In Russian)

65. Trofimov D. V. *Sotsial'no-politicheskie nastroyeniya rossiiskogo krest'yanstva v poreformennyi period 1861—1905 gg. : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Socio-political mood of Russian peasantry in the post-reform period of 1861—1905: Abstr. Cand. Dis.]. M., 2005. (In Russian)

66. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh. Izdanie 1885 g. i po prod. 1912 g.: S izvlech. iz reshenii Pravitel'stvuyushchego senata, Svoda zakonov, svodov voen. i mor. postanovlenii, s ukazaniem podsudnosti, sudoproizvodstv. pravil i pril. / sost. V. V. Volkov, tovarishch prokurora S.-Peterb. okr. suda. Neofits. izd.* [Penal Code and Criminal Corrections: 1885 edition and cont. 1912.: taken from Senatus Consultum (decisions of the Senate), compiled laws, codes of military and marine regulations specifying the jurisdiction of arbitral regulations and exhibits, comp. by V. V. Volkov, deputy prosecutor of St. Petersburg District court. Unofficial ed.]. St. Petersburg, Yurid. kn. mag. I. I. Zubkova, p./f. "Zakonovedenie" Publ., 1914. XII, 1464 p. (In Russian)

67. Chikanova N. A. Obraz tsarya kak pokazatel' sotsial'nogo konflikta v Rossii vtoroi poloviny XIX — nachala XX v. [Image of the king as an indicator of social conflict in Russia in the second half of XIX — early XX century]. *III Vserossiiskaya konferentsiya "Sotsial'nye konflikty v istorii Rossii" pamyati Aleksandra Samoiloivicha Akhiezer* [III Russian Conference "Social conflicts in the history of Russia" in memory of Alexander Samoiloivich Akhiezer]. Omsk, 2008. Available at: <http://www.omgpu.ru/science/conf/conflicts-2008/index.htm>. (In Russian)